

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-4-598-606

ЧЕРНИКОВ Дмитрий Порфирьевич,
Аспирант НОЧУ ВО
Московского финансово-промышленного
университета «Синергия»,
e-mail: chernikovdp@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу международных стандартов регулирования криптовалют и выявлению положительного опыта, применимого в российской правовой системе. Особое внимание уделяется тем положениям, которые затрагивают оборотоспособность криптовалют, гражданско-правовой статус виртуальных активов, а также правовую природу отношений, возникающих при их использовании.

Целью исследования является выявление юридических конструкций и механизмов, предложенных на международном уровне (Рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) [11], Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 2023/1114 о рынках криптоактивов (MiCA) [14], а также в правовых системах Швейцарии, Японии, Великобритании и Сингапура, которые могут быть успешно адаптированы в российское гражданское законодательство.

Задачи исследования:

- Проанализировать частноправовые аспекты ведущих международных стандартов (FATF, MiCA) и зарубежных национальных моделей;
- Оценить применимость соответствующих положений к российской правовой системе;
- Сформулировать предложения по имплементации зарубежных решений в отечественное гражданское законодательство.

Методологическая основа включает сравнительно-правовой метод, нормативно-логический анализ и метод правового моделирования. В ходе исследования формулируются предложения по развитию российского гражданского законодательства в части правового режима криптовалют.

Исследование исходит из необходимости системной трансформации частноправового режима цифровых активов в России и формирования современной правовой конструкции, способной обеспечить их законный оборот и защиту интересов участников.

Ключевые слова: частное право, цифровые активы, криптовалюта, обязательственное право, вещные права, гражданско-правовой режим, международные стандарты, правовая имплементация, MiCA, FATF, VASP.

CHERNIKOV Dmitry Porfirievich,
Postgraduate Student,
Non-State Educational Private
Institution of Higher Education
«Synergy University»

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES: DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. *This article analyzes international standards for the regulation of cryptocurrencies and identifies best practices that can be applied within the Russian legal system. Particular attention is given to provisions concerning the legal circulation of cryptocurrencies, the civil-law status of virtual assets, and the legal nature of the relationships arising from their use.*

The purpose of the study is to identify legal constructions and mechanisms developed at the international level—such as the Recommendations of the Financial Action Task Force (FATF) [11], Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and the Council on Markets in Crypto-Assets (MiCA) [14], as well as national legal models of Switzerland, Japan, the United Kingdom, and Singapore which can be effectively adapted to Russian civil legislation.

The objectives of the study are:

- *to analyze the private-law aspects of leading international standards (FATF, MiCA) and selected foreign national models;*
- *to assess the applicability of their provisions to the Russian legal system;*
- *to formulate proposals for the implementation of relevant foreign approaches into domestic civil legislation.*

The methodological framework includes the comparative legal method, normative-logical analysis, and legal modeling. Based on the research findings, specific proposals are developed for improving the Russian civil law regime of cryptocurrencies.

It proceeds from the necessity of a systemic transformation of the private-law regime governing digital assets in Russia, and the development of a modern legal framework capable of ensuring their lawful circulation and protecting the interests of market participants.

Key words: *private law, digital assets, cryptocurrency, law of obligations, property rights, civil-law regime, international standards, legal implementation, MiCA, FATF, VASP.*

Введение

Правовая природа криптовалюты продолжает оставаться предметом научных дискуссий и законодательных споров в большинстве юрисдикций. В условиях стремительной цифровизации финансового оборота растёт потребность в формировании устойчивого и системного гражданско-правового режима обращения криптовалют, обладающих признаками самостоятельных объектов имущественных прав.

При этом в международной практике всё чаще применяется подход, согласно которому криптовалюта может регулироваться как самостоятельный объект гражданских прав, не тождественный деньгам или ценным бумагам, но выполняющий аналогичные функции в гражданском обороте.

В российской правовой системе регулирование криптовалют развивается преимущественно в рамках публичного права – с акцентом на противодействие отмыванию доходов, налоговый контроль и ограничения оборота. Однако именно частноправовой аспект – оборотоспособность криптовалют, возможность их использования как предмета сделок, защиты прав добросовестных участников остаётся наименее проработанным.

В исследовании под криптовалютой понимается разновидность цифрового актива, представляющего собой нематериальный имущественный объект, существующий в децентрализованной цифровой среде и допускаемый к гражданскому обороту в форме оборотоспособной ценности. При этом криптовалюта не тождественна цифро-

вой валюте или цифровым финансовым активам в смысле Федерального закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7].

Международные стандарты и модели регулирования такие как Рекомендации FATF [11], правовая модель Европейского союза в рамках регламента MiCA [14], а также подходы Швейцарии, Японии, Великобритании и Сингапура демонстрируют, что даже в условиях приоритета публичного контроля возможно нормативное признание криптовалюты как объекта частного права. Эти решения в ряде случаев обеспечивают юридическую определённость оборота, расширяют договорные свободы сторон и защищают интересы собственников криптоактивов.

Изучение международного опыта внедрения и использования цифровых активов может детально и наглядно показывать преимущества и недостатки данного процесса, а также возможные проблемы, с которыми может столкнуться государство. Зарубежный опыт поможет выявить эффективные модели регулирования и минимизировать риски на пути имплементации устойчивых правовых подходов и моделей в российскую правовую систему.

Международные частноправовые подходы к регулированию криптовалют

В отличие от универсализированных публичных стандартов (например, Рекомендаций FATF),

подходы к частноправовому регулированию криптовалют в различных юрисдикциях демонстрируют значительное разнообразие. Однако в ряде стран на уровне законодательства и правоприменительной практики сложились модели, в рамках которых криптовалюта получила признание как объект гражданских прав. Эти решения позволяют рассматривать криптовалюту как предмет обязательств, имущество, а также объект вещных правоотношений.

Швейцарское гражданское право предлагает одну из наиболее развитых моделей правового обращения криптовалют в частноправовой плоскости. В правоприменительной и административной практике Швейцарии криптовалюта рассматривается как нематериальный имущественный объект, обладающий оборотоспособностью и подлежащий правовой защите в рамках частноправовых механизмов. Согласно подходу, изложенному в официальных руководящих принципах Швейцарского управления по надзору за финансовым рынком (FINMA), криптовалюты (payment tokens) рассматриваются как активы, не создающие требований к эмитенту, но пригодные для использования в качестве средства обмена. К ним применимы частноправовые конструкции владения, распоряжения, хранения и обеспечения обязательств. [12] Как отмечают М.Г. Гирич, И.С. Ермохин, А.Д. Левашенко в стране создана нормативная база, позволяющая использовать токенизированные активы в качестве объектов оборота, включая их регистрацию в распределенных реестрах (distributed ledger technology, DLT) и организацию торговли на специальных лицензированных платформах с участием FINMA как регулирующего органа. [2] Исследуя швейцарскую модель, В.К. Шайдулина, отмечает, что в этой юрисдикции криптовалюта уже используется как средство платежа, а также развита цифровая инфраструктура на базе DLT-технологий, но реализуется это под строгим контролем FINMA. [8]

Такой правовой механизм позволил выстроить устойчивую систему гражданско-правовых конструкций, в рамках которых криптовалюта может выступать:

- в качестве предмета договоров купли-продажи, займа, дарения, с применением общих положений об обязательствах;

- как объект залога, что обеспечивает её использование в механизмах имущественного обеспечения исполнения обязательств;

- в рамках отношений доверительного управления и хранения, что предполагает возможность заключения фидуциарных соглашений с применением гибких доверительных структур;

- как часть конкурсной массы в деле о несостоятельности (банкротстве), с признанием за

криптовалютой статуса активов, подлежащих инвентаризации, оценке и включению в процедуры распределения.

Таким образом, швейцарская модель демонстрирует высокую степень адаптивности гражданского права к цифровой среде: она позволяет включить криптовалюту в частный оборот без необходимости радикального пересмотра понятийной системы, опираясь на функциональный подход к объекту права. Ключевую роль в этом играет готовность правопорядка воспринимать новые формы имущественных благ, способных выполнять функции ценности, средства расчёта и объекта доверительного управления.

Японская правовая модель представляет собой один из первых институционально закреплённых подходов к регулированию криптовалют с позиций частного права. С 2017 года в Японии действует Закон о платёжных услугах (Payment Services Act), в редакции которого были закреплены положения, регулирующие правовой режим так называемых виртуальных валют. [13] Согласно данному акту, виртуальная валюта определяется как имущественная ценность, которая:

- может использоваться в качестве средства оплаты за товары и услуги;

- допускается к передаче между пользователями без участия финансовых посредников;

- не обладает статусом законного платёжного средства, но признаётся оборотоспособным объектом имущественного права.

В научной литературе подчёркивается, что японская модель представляет собой пример правового подхода, сочетающего признание криптовалюты как имущественного объекта и её использование в функциональных целях в гражданском обороте. Так, согласно анализу А.В. Гридасова, в 2017 году в Японии были внесены поправки в Закон о платёжных услугах, в результате которых виртуальная валюта была признана имущественной ценностью, а деятельность по её обмену – подлежащей обязательному лицензированию. [4] Подобную оценку даёт и Т.А. Зыкова, отмечая, что в японском праве биткоин рассматривается как носитель стоимости, приравненный к активу, что позволяет отнести его к объектам гражданского оборота. [5]

Ключевая особенность японской модели заключается в том, что криптовалюта рассматривается не как разновидность денег или ценных бумаг, а как особая имущественная категория *sui generis*, включённая в систему частного оборота на основании её экономической и функциональной значимости.

Такой подход создал предпосылки для формирования устойчивого гражданско-правового режима виртуальных активов, в рамках которого криптовалюта может:

- выступать в качестве предмета исполнения по обязательству;
- использоваться как средство взаиморасчётов между сторонами договора;
- подлежать возврату в натуре в случае прекращения или расторжения обязательства, либо как элемент реституции при недействительности сделки.

Таким образом, японское законодательство демонстрирует, что включение криптовалют в гражданско-правовой оборот возможно без придания им статусных признаков традиционных финансовых инструментов. Законодатель подчёркивает их имущественную природу, что позволяет регулировать соответствующие отношения в рамках общих положений о договорных обязательствах и имущественных правах, без необходимости создания изолированного правового режима.

Правовая система Великобритании, основанная на прецедентном праве (*common law*), демонстрирует последовательную эволюцию в направлении признания криптовалюты объектом частноправовой охраны. Так, в ряде судебных решений последних лет, включая дело *AA v. Persons Unknown* (2019) [9] и дело *Tulip Trading Ltd v. Bitcoin Association for BSV* (2022) [15], английские суды пришли к выводу, что криптовалюта обладает признаками видов собственности (*property*) и, следовательно, подпадает под правовой режим защиты имущественных прав. Согласно анализу М.В. Савельевой, рабочая группа UKJT (UK Jurisdiction Taskforce) в 2019 году прямо указала на признание криптоактивов объектом собственности, при этом уточнив, что криптовалюта не обладает статусом вещи во владении, что исключает её использование в классических конструкциях залога и удержания. [6]

В результате такой квалификации криптовалюты стали применимы основные средства правовой защиты, традиционно используемые в английском праве в отношении имущества. К их числу относятся:

- *restitution* — возврат неосновательного обогащения как способ восстановления имущественного положения лица, утратившего контроль над цифровым активом вследствие неправомерных действий;
- *tracing* — правовой механизм отслеживания и идентификации криптовалютных активов в случае их перемещения между различными субъектами, позволяющий установить правопреемство и актуального держателя;
- *equitable remedies*, в частности, назначение доверительного управления (*trust*) или признание фидуциарной ответственности, что позволяет суду гибко реагировать на сложные имущественные ситуации в условиях отсутствия формализованной регистрации прав.

Таким образом, английская модель демонстрирует возможность применения к криптовалюте не только вещных, но и обязательственно-правовых и фидуциарных механизмов защиты, что представляет значительный интерес для систем, стремящихся к расширению частноправового инструментария в условиях цифровизации имущественных отношений.

Правовая модель Сингапура характеризуется гибким и прагматичным подходом к регулированию цифровых активов, в котором ключевое значение придаётся автономии воли сторон и функциональному значению криптовалют в частноправовом обороте. Законодательство не содержит ограничений на использование криптовалют в качестве предмета договоров и исполнения обязательств, при условии, что такое применение основано на добровольном соглашении сторон и не противоречит императивным нормам.

Принципиально важным стал прецедент, сформулированный Высоким судом Сингапура в деле *B2C2 Ltd. v. Quoine Pte Ltd.* (2020) [10]. Суд признал криптовалюту объектом имущества, обладающим экономической ценностью, оборотоспособностью и способностью быть предметом гражданско-правовой защиты. В данном деле криптовалюта была квалифицирована как актив, с которым могут быть связаны имущественные права, включая право на возврат, компенсацию убытков и восстановление положения сторон. [10]

Как подчёркивает А.П. Алексеенко, сингапурская модель правового регулирования криптовалют базируется на Законе «О платёжных услугах», который с 2020 года устанавливает лицензионные требования для операций с цифровыми токенами и определяет криптовалюту как цифровое представление стоимости, используемое в расчётах и обороте. Особое внимание уделяется институционализации криптобирж, правовому разграничению типов токенов и формированию механизмов правовой защиты инвесторов. Такой подход позволил вывести криптовалюту в правовое поле, сохранив гибкость регулирования и обеспечив функциональную интеграцию в гражданский оборот. [1]

Таким образом, правовой подход Сингапура иллюстрирует возможность интеграции криптовалют в структуру частного права без необходимости специального признания их в качестве законного платёжного средства, опираясь исключительно на договорную волю и признание имущественной природы данных цифровых активов.

Рассмотренные правовые системы (Швейцария, Япония, Великобритания, Сингапур) выработали юридические механизмы признания криптовалют как объектов частного права, обеспечивающие их законный оборот, договорную

гибкость и судебную защиту. Эти положения могут служить источником позитивного опыта для российской правовой системы.

Возможности имплементации международных и национальных моделей в российское гражданское законодательство.

Одним из главных препятствий для частного правового оборота криптовалют в России остаётся неопределённость их юридического статуса. Статья 128 ГК РФ не содержит прямого указания на криптовалюту в перечне объектов гражданских прав, а статья 141.1 ГК РФ, касающаяся цифровых прав, не охватывает криптовалюты как самостоятельную категорию. [3]

В этой связи целесообразна имплементация подхода, близкого швейцарской или английской модели: признание криптовалюты нематериальным имущественным объектом, аналогично иным имущественным правам, способным быть предметом оборота, исполнения обязательств, защиты и наследования.

Указанный подход соотносится с правовой конструкцией, закреплённой в Регламенте MiCA, согласно которой криптоактив определяется как «цифровое представление стоимости или прав, которое может быть передано и хранится в электронном виде с использованием технологии распределённого реестра или аналогичной технологии». [14] Данная формулировка позволяет отграничить криптовалюты от традиционных форм денег и ценных бумаг, признавая их оборотоспособными объектами гражданских прав. Включение аналогичного положения в законодательство Российской Федерации способствовало бы устранению правовой неопределённости и формальному признанию криптовалют в качестве имущественных объектов *sui generis*.

Международная практика демонстрирует возможность признания криптовалюты допустимым предметом исполнения по гражданско-правовому обязательству. Так, в японской и сингапурской правовых системах установлена легитимность использования цифровых активов при исполнении договоров, что закреплено как в законодательстве, так и в судебной практике. Подобный подход позволяет обеспечить гибкость договорного регулирования и учесть волю сторон в выборе формы исполнения обязательства. В контексте российской правовой системы применение таких решений возможно с опорой на принцип свободы договора и автономии воли сторон, закреплённые в статье 421 ГК РФ, в соответствии с которым стороны вправе свободно определять условия договора, если они не противоречат императивным нормам закона и основам правопорядка. [3]

В условиях отсутствия прямого указания на цифровые активы как допустимый предмет исполнения, отношения, возникающие по поводу передачи криптовалют, должны рассматриваться через призму аналогии с иными объектами гражданских прав – прежде всего, имуществом. Следовательно, к подобным отношениям правомерно применять общие положения об обязательствах, в частности, нормы о надлежащем исполнении (ст. 309 ГК РФ), о способах исполнения обязательств, а также о правомерности расчётов в условно определённой форме по соглашению сторон. [3]

Для устранения правовой неопределённости и легитимации сделок с криптовалютами как с объектами имущественного оборота, представляется целесообразным внести изменения в положения Гражданского кодекса Российской Федерации, прямо указав на возможность исполнения обязательств посредством передачи цифровых активов. [3]

В условиях децентрализованного характера криптовалют, а также анонимности операций с ними, особую актуальность приобретает вопрос обеспечения правовой защиты участников гражданского оборота, в том числе добросовестных приобретателей цифровых активов. В зарубежных правовых порядках, прежде всего в таких юрисдикциях как Великобритания и Сингапур, последовательно формируется судебная практика, признающая криптовалюту объектом имущественного права, что, в свою очередь, позволяет использовать механизмы правовой защиты, характерные для частного права, включая виндикацию, реституцию, возмещение убытков, а также доктрины доверительной собственности и tracing (отслеживание происхождения актива).

В российской правовой системе отсутствует комплексная нормативная база, регулирующая вещные и обязательственные права на цифровые активы. Между тем, действующие положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите права собственности и иных вещных прав потенциально могут быть адаптированы к отношениям, возникающим в цифровой среде. Это требует нормативного закрепления криптовалюты в качестве объекта гражданских прав, а также признания возможности приобретения и утраты прав на такие активы по аналогии с иными нематериальными имущественными объектами, например, бездокументарными ценными бумагами.

В целях формирования устойчивого гражданско-правового режима криптовалют как объектов частного права представляется обоснованным нормативное закрепление их статуса в качестве индивидуализированных нематериальных имущественных объектов, способных участвовать в обороте, выступать предметом обязательств и

быть защищёнными в рамках действующего правового порядка. Для этого требуется системная корректировка положений Гражданского кодекса Российской Федерации.

Во-первых, целесообразно дополнить Гражданский кодекс Российской Федерации нормами, раскрывающими правовой режим цифровых активов как особой разновидности имущества, обладающего экономической ценностью и поддающегося индивидуализации посредством технологий распределённого реестра. Такая квалификация будет способствовать интеграции криптовалют в существующие конструкции вещных и обязательственных прав, включая владение, распоряжение, залог, отчуждение и истребование.

Во-вторых, с целью обеспечения правовой устойчивости сделок с участием цифровых активов, необходимо ввести презумпцию добросовестности владения криптовалютой, исходя из общих принципов гражданского оборота. При отсутствии доказательств противоправного характера приобретения криптовалюты владелец должен рассматриваться как легитимный участник правоотношений, обладающий правами на защиту владения и пользования. Данный подход согласуется с принципами, зафиксированными в Рекомендациях FATF, где подчёркивается необходимость установления прозрачности операций с виртуальными активами и внедрения механизмов идентификации владельцев через поставщиков услуг в сфере виртуальных активов (VASP). [11] В условиях децентрализованного оборота такая система идентификации и фиксации прав при условии нормативного признания способна служить правовой основой для презумпции добросовестного владения и возможности доказывания прав на криптовалюту аналогично владению имуществом. Аналогичные подходы применимы в российском праве при адаптации норм о владении и защите прав на имущество.

В-третьих, правовая система должна предусматривать эффективные механизмы возврата утраченного цифрового актива, в том числе в форме иска о возврате неосновательного обогащения, предусмотренного статьёй 1102 ГК РФ. Учитывая особенности технологии блокчейн и отсутствие централизованной регистрации, такие споры могут разрешаться на основании фактического контроля над криптовалютой (например, посредством приватного ключа) и анализа истории транзакций (т.н. blockchain forensics). Кроме того, следует признать допустимость предъявления исков о признании права на цифровой актив и восстановлении нарушенного владения, опираясь на правовые аналоги из институтов реституции и виндикации применительно к нематериальным объектам.

Включение криптовалюты в систему вещных и обязательственных прав требует не только рас-

ширения понятийного аппарата российского частного права, но и создания процессуальных механизмов защиты интересов участников цифрового оборота.

Существенным элементом устойчивого гражданского оборота криптовалют является наличие юридически признанной инфраструктуры, обеспечивающей идентификацию субъектов, фиксацию перехода прав и юридическую доказуемость совершённых действий. В большинстве национальных правовых порядков оборот криптоактивов осуществляется в условиях отсутствия централизованной регистрации и государственной фиксации прав, что ставит под угрозу безопасность сделок и защиту прав добросовестных участников.

Международная практика, в частности рекомендации FATF и регламент MiCA Европейского союза, предлагает решение в форме внедрения института провайдеров услуг, связанных с виртуальными активами (Virtual Asset Service Provider, VASP). Такие субъекты, включая криптобиржи, кошельковые провайдеры, кастодиальные сервисы, выступают в качестве частных посредников, выполняющих одновременно функцию идентификации, сопровождения и учёта прав на цифровые активы. Правовой режим VASP формирует доверительную инфраструктуру оборота, позволяющую обеспечивать правомерность операций, выявлять бенефициаров и фиксировать факт принадлежности криптовалюты конкретному лицу.

В условиях российской правовой системы данный институт может быть имплементирован на базе модели цифрового кастодиального обслуживания, где частные организации при наличии лицензии будут наделены функцией фиксации прав собственности на криптоактивы, аналогично реестродержателям по бездокументарным ценным бумагам. Это позволило бы повысить юридическую определённость сделок; сформировать доказательственную базу для защиты прав владельцев; обеспечить режим правопреемства и налогообложения цифровых активов; создать предпосылки для внедрения в оборот смарт-контрактов с участием зарегистрированных субъектов.

Следует отметить, что в соответствии с MiCA, поставщики услуг, связанных с криптоактивами, обязаны обеспечивать фиксацию транзакций, хранение прав на цифровые активы и защиту интересов клиентов. [14] По своей правовой функции такие субъекты выполняют роль частноправовых посредников между участниками цифрового оборота, сходную с функцией реестродержателей в системе бездокументарных ценных бумаг. Включение аналогичного института в российское право в форме кастодиальных операторов или цифровых регистраторов могло бы обеспечить юридиче-

скую фиксацию прав на криптовалюту, повысить доверие к обороту и обеспечить правовую защиту участников.

Таким образом, внедрение системы частных реестров или платформ идентификации, основанных на правовом статусе VASP, может выступить важным звеном в формировании частноправового режима цифровых активов в России. При этом требуется нормативное закрепление их статуса в законодательстве, включая регламентацию прав и обязанностей, основания ответственности и пределы вмешательства в имущественные отношения участников оборота.

Представленный анализ демонстрирует, что имплементация зарубежных подходов к гражданско-правовому регулированию криптовалют в российское законодательство требует системной корректировки понятийного аппарата. Опыт юрисдикций, таких как Швейцария, Япония, Великобритания и Сингапур, подтверждает возможность признания криптовалюты самостоятельным объектом имущественных прав и интеграции цифровых активов в обязательственные и вещные конструкции без нарушения логики частного права. Для российского правопорядка актуальными являются меры по формальному закреплению статуса криптовалюты как нематериального имущественного объекта, расширению договорных свобод, институционализации субъектов VASP и адаптации механизмов правовой защиты. Эти шаги позволят обеспечить юридическую определённость криптоактивов, повысить доверие к цифровому обороту и сформировать устойчивую правовую основу для включения криптовалюты в сферу гражданского оборота.

Заключение

Проведённое исследование показало, что современные международные подходы к регулированию криптовалют выходят за пределы исключительно публично-правового регулирования и постепенно охватывают частноправовые аспекты, включая признание криптовалюты как объекта имущества, её участие в обязательствах, допустимость сделок и защиту прав владельцев.

В ряде правопорядков – Швейцарии, Японии, Великобритании и Сингапуре – сформированы правовые модели, обеспечивающие интеграцию криптовалют в систему гражданского оборота. Эти юрисдикции исходят из принципов автономии воли сторон и признания оборотоспособности нематериальных активов, обеспечивая при этом гражданско-правовую защиту имущественных интересов владельцев. Швейцарский подход ориентирован на признание криптовалюты как формы нематериального имущества, включаемого в обязательственные и вещные конструкции (владение, хранение, залог, доверительное управление). В английском праве криптовалюта

признана объектом собственности, но лишена признаков «вещи», что компенсируется применением доверительных и реституционных механизмов защиты. Японская и сингапурская модели базируются на договорно-обязательственных принципах, позволяя использовать криптовалюту в рамках частной автономии и соглашения сторон без необходимости признания её законным средством платежа или ценной бумагой.

Российское законодательство, несмотря на определённые шаги в направлении нормативного признания цифровых активов (в частности, Федеральный закон № 259-ФЗ [7]), до настоящего времени не выработало устойчивого гражданско-правового режима криптовалют. Отсутствие их квалификации как объекта гражданских прав, невозможность использования в качестве предмета договорных обязательств, прямой запрет на использование в качестве встречного представления за товары, работы и услуги, а также неопределённость механизмов защиты прав владельцев препятствуют формированию правомерного и предсказуемого оборота.

На основе анализа международного опыта в статье сформулированы следующие предложения по имплементации:

1. Закрепить в Гражданском кодексе РФ статус криптовалюты как нематериального имущественного объекта, способного быть предметом обязательств, владения и вещных прав;
2. Расширить договорные свободы сторон, прямо указав допустимость использования цифровых активов при заключении и исполнении обязательств, включая куплю-продажу, займ, доверительное управление и др.;
3. Ввести презумпцию добросовестности владения криптовалютой, а также предусмотреть применение механизмов виндикации и реституции к цифровым активам;
4. Институционализировать модель VASP в законодательстве, признав за частными провайдерами инфраструктурную роль в сопровождении цифрового оборота, идентификации владельцев и фиксации прав;
5. Разработать специальный раздел в Гражданском кодексе или специальный закон, регулирующий сделки с цифровыми активами по аналогии.

Имплементация предложенных положений позволит устранить правовую неопределённость статуса криптовалют в российской правовой системе, обеспечить их квалификацию в качестве оборотоспособных нематериальных объектов гражданских прав и создать правовые условия для их легитимного участия в имущественном обороте. Такая трансформация направлена на интеграцию функциональных механизмов, зафиксированных в международных стандартах FATF,

Регламенте MiCA и правовых моделях ведущих юрисдикций, в структуру российского частного права. Это создаст предпосылки для эффективной защиты имущественных интересов участников цифровых правоотношений, усилит юридическую предсказуемость сделок с криптовалютами и обеспечит институциональную совместимость России с международной правовой инфраструктурой криптовалютного рынка.

Список литературы:

- [1] Алексеенко А.П. Законодательство республики сингапур о цифровых токенах // БГЖ. 2021. №3 (36). С. 380-383 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-respubliki-singapur-o-tsifrovyyh-tokenah> (дата обращения: 06.04.2025).
- [2] Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. №4. С. 176-192 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-tsifrovyyh-finansovyh-aktivov-v-rossii-i-drugih-stranah> (дата обращения: 06.04.2025).
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 02.04.2025).
- [4] Гридасов В. Д. Изменение правового режима криптовалюты в России на основе зарубежного опыта / В. Д. Гридасов // Технологии XXI века в юриспруденции : Материалы Третьей международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21 мая 2021 года / Отв. редактор Д.В. Бахтеев. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2021. С. 147-155. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46518759_68565041.pdf (дата обращения: 04.04.2025).
- [5] Зыкова Т. А., Лобач Д. В. Практика применения криптовалют в зарубежных странах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №4-2. С.162-168 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-kriptovalyut-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 06.04.2025).
- [6] Савельева М.В. О формировании механизма правового регулирования отношений, связанных с криптоактивами, в эпоху глобальной цифровизации // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 1. С. 78–86. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aljournal.net/reader/article.aspx?id=25079> (дата обращения: 01.04.2025).
- [7] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 04.04.2025).
- [8] Шайдуллина В.К. Зарубежный опыт использования цифровых финансовых активов в гражданском обороте // Теория и практика общественного развития. 2025. №3. С. 127-132 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-ispolzovaniya-tsifrovyyh-finansovyh-aktivov-v-grazhdanskom-oborote> (дата обращения: 06.04.2025).
- [9] AA v. Persons Unknown [2019] EWHC 3556 (Comm). High Court of Justice, Business and Property Courts of England and Wales, Commercial Court (QBD). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.judiciary.uk/judgments/aa-v-persons-unknown/> (дата обращения: 06.04.2025).
- [10] B2C2 Ltd v. Quoine Pte Ltd. [2019] SGHC(I) 03. Суд по международным коммерческим делам при Высоком суде Сингапура. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elitigation.sg/gd/sic/2019_SGHC1_3 (дата обращения: 06.04.2025).
- [11] Financial Action Task Force (FATF). International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation: The FATF Recommendations. Updated June 2019. Paris: FATF/OECD, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatfrecommendations.html> (дата обращения: 06.04.2025).
- [12] FINMA. Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs). 16 February 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.finma.ch/en/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf> (дата обращения: 06.04.2025).
- [13] Payment Services Act. Act No. 59 of June 24, 2009 (as amended). Japanese Law Translation. Ministry of Justice of Japan. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3078/en> (дата обращения: 05.04.2025).
- [14] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010, (EU) No 1094/2010 and (EU) No 1095/2010. Official Journal of the European Union. L 150/40, 09.06.2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj> (дата обращения: 06.04.2025).

[15] Tulip Trading Ltd v. Bitcoin Association for BSV and Others. [2022] EWCA Civ 83. Court of Appeal (Civil Division). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2023/02/Tulip-v-Van-Der-Laan-judgment-030223.pdf> (дата обращения: 03.04.2025).

Spisok literaturey:

[1] Alekseenko A.P. Zakonodatel'stvo respubliki singapur o cifrovyyh tokenah // BGZH. 2021. №3 (36). S. 380-383 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-respubliki-singapur-o-tsifrovyyh-tokenah> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

[2] Girich M.G., Ermohin I.S., Levashenko A.D. Sravnitel'nyy analiz pravovogo regulirovaniya cifrovyyh finansovyh aktivov v rossii i drugih stranah // Vestnik mezhdunarodnyh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2022. №4. S. 176-192 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-tsifrovyyh-finansovyh-aktivov-v-rossii-i-drugih-stranah> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

[3] Grazhdanskij kodeksa Rossijskoj Federatsii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (data obrashcheniya: 02.04.2025)

[4] Gridasov V. D. Izmenenie pravovogo rezhima kriptovalyuty v Rossii na osnove zarubezhnogo opyta / V. D. Gridasov // Tekhnologii XXI veka v yurisprudencii : Materialy Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ekaterinburg, 21 maya 2021 goda / Otv. redaktor D.V. Bahteev. – Ekaterinburg: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Ural'skij gosudarstvennyy yuridicheskij universitet", 2021. S. 147-155. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46518759_68565041.pdf (data obrashcheniya: 04.04.2025)

[5] Zyкова Т. А., Lobach D. V. Praktika primeneniya kriptovalut v zarubezhnyh stranah // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2020. №4-2. S.162-168 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-kriptovalut-v-zarubezhnyh-stranah> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

[6] Savel'eva M.V. O formirovanii mekhanizma pravovogo regulirovaniya otnoshenij, svyazannyh s kriptoskivami, v epohu global'noj cifrovizatsii // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2022. T. 23, № 1. S. 78–86. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://aljournal.net/reader/article.aspx?id=25079> (data obrashcheniya: 01.04.2025).

[7] Federal'nyy zakon «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoy valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii» ot 31.07.2020 № 259-FZ [Elektronnyy resurs]. Rezhim

dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (data obrashcheniya: 04.04.2025).

[8] SHajdullina V.K. Zarubezhnyy opyt ispol'zovaniya cifrovyyh finansovyh aktivov v grazhdanskom oborote // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2025. №3. S. 127-132 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-ispolzovaniya-tsifrovyyh-finansovyh-aktivov-v-grazhdanskom-oborote> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

[9] AA v. Persons Unknown [2019] EWHC 3556 (Comm). High Court of Justice, Business and Property Courts of England and Wales, Commercial Court (QBD). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.judiciary.uk/judgments/aa-v-persons-unknown/> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

[10] B2C2 Ltd v. Quoine Pte Ltd. [2019] SGHC(I) 03. Sud po mezhdunarodnym kommercheskim delam pri Vysokom sude Singapura. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://www.elitigation.sg/gd/sic/2019_SGHC1_3 (data obrashcheniya: 06.04.2025).

[11] Financial Action Task Force (FATF). International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation: The FATF Recommendations. Updated June 2019. Paris: FATF/OECD, 2019. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatfrecommendations.html> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

[12] FINMA. Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs). 16 February 2018. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.finma.ch/en/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

[13] Payment Services Act. Act No. 59 of June 24, 2009 (as amended). Japanese Law Translation. Ministry of Justice of Japan. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3078/en> (data obrashcheniya: 05.04.2025).

[14] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010, (EU) No 1094/2010 and (EU) No 1095/2010. Official Journal of the European Union. L 150/40, 09.06.2023. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj> (data obrashcheniya: 06.04.2025).

[15] Tulip Trading Ltd v. Bitcoin Association for BSV and Others. [2022] EWCA Civ 83. Court of Appeal (Civil Division). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2023/02/Tulip-v-Van-Der-Laan-judgment-030223.pdf> (data obrashcheniya: 03.04.2025).